
МУРЗИЛКА
№ 9
Журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для школьников младших классов
СЕНТЯБРЬ
1960

Мы — октябрята. Летом мы были в Кремле и вместе с пионерами приветствовали делегатов учительского съезда.

Учителя сидели в зале с букетами цветов, радостные и торжественные. А мы говорили, что любим их и гордимся ими — ведь всегда, во всех делах с нами рядом учитель. Он показал нам, как из букв рождаются слова, как держать в руках молоток, как выращивать цветы и беречь птиц. И мы будем помнить своих учителей так же, как наш любимый Никита Сергеевич помнит свою учительницу Лидию Михайловну.

У нас такой обычай — лучшие цветы дарить учителям. Самые красивые песни петь об учителе.

Если мы когда-нибудь полетим на ракете, то и в космосе будем вспоминать своего первого учителя.

Расступитесь, Марсы и Венеры!
Я корабль космический веду.
Именем учительницы первой
Назову открытую звезду.

В этом году мы полностью изучим таблицу умножения. Знаете, как это важно? О ней даже в Кремле говорили:

Идёт за хлеб сражение,
Ракеты ввысь взвиваются,
С таблицы умножения
Всё это начинается.

Пока мы в резерве,
Пока мы на старте.
Растём, чтоб работать
В цехах, на полях.
Учит нас Родина!
Учит нас Партия!
Самые верные учителя.

За лето мы соскучились об уроках и переменах, об учебниках и тетрадках. И как хорошо сказать сегодня: «Здравствуй, школа! Здравствуй, любимый учитель!»

Саша ЕРЁМИН,
ученик 2-го класса 37-й школы;

Роза ДАЛИБАЛДОЯН,
ученица 2-го класса 34-й школы;

Коля БАШМАКОВ,
ученик 2-го класса 45-й школы;

Оля ГОРЕЛОВА,
ученица 2-го класса 34-й школы.

Москва

ПОЧЕМУ УМЕНЬШАЮТСЯ ВЕЩИ

В. КУКИНОВА

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Я вернулся из лагеря домой и очень удивился. И комната и вещи очень изменились, стали какие-то другие. Комната как будто меньше, потолки — ниже, а окна — у́же. В чём дело, не пойму!

Стал ходить и трогать всё подряд. Подошёл к дивану. Сел, посидел. Диван тот же, а сидится на нём уже по-другому: ноги почему-то не висят в воздухе, как раньше, а достают до самого пола.

Заглянул в буфет. Буфет старый, бабушкин. Большой, во всю стену, похож на высотное здание. Тоже с башенками и фигурками. А дверцы тяжёлые, как в метро. Одной рукой нипочём не откроешь.

Я этот буфет до третьего этажа знаю как свои пять пальцев: На первом — пакеты, пакеты, пакеты: крупа, мука, вермишель, макароны. Ничего вкусного. На втором — тарелки, тарелки, тарелки: большие, маленькие, глубокие, мелкие. Тоже неинтересно. Интересно на третьем, но третий я знаю хуже. Знаю только, что сюда кладут всё то, что мне не надо есть до обеда: конфеты, печенье, варенье и в синей вазочке на длинной ножке мой любимый мармелад.

Всё это я раньше видел, если вставал на скамейку. Но, стоя на скамейке, много не рассмотришь. Откроется дверь, и войдёт бабушка. А что скажет бабушка, всем понятно...

И вот я опять стою около буфета. Я стою безо всякой скамейки и вижу третью полку, синюю вазочку и мой любимый мармелад. И я не только всё это вижу, я могу дотянуться до вазочки и взять мармелад! И я беру вазочку и смотрю на мармелад.

И тут, конечно, открывается дверь и входит бабушка.

Я ставлю вазочку на место, но бабушка ничего не говорит мне. Она ничего не говорит, только смотрит на меня и на скамейку, которая стоит в углу без дела.

Потом она берёт вазочку и даёт мне мармелад.

Я ем мармелад, а она гладит меня по голове и всё смотрит, смотрит на меня, и лицо у неё почему-то грустное.

Я тоже смотрю на неё и вижу, что и она переменилась. Как будто похудела, а может быть, загорела.

Я ем мармелад и спрашиваю бабушку: почему она качает головой? Почему даёт мне мармелад, хотя скоро обед? Почему вещи стали меньше и почему она грустная?

И тогда она перестаёт быть грустной. Она смеётся и отвечает на все мои вопросы по порядку: она даёт мне мармелад потому, что очень рада, что я вернулся домой. Она качает головой потому, что удивляется, как я сильно вытянулся за лето. Она объясняет, что вещи не стали меньше. Они такие же, как были раньше. Это я стал другим, потому что вырос.

В. ВИТКА

ГАЗЕТА

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Как раз в тот день, когда нас отпустили на каникулы, в нашем доме кончали ремонт. На лестнице стояли забрызганные глиной леса. А на площадке просто негде было повернуться от вёдер с извёсткой и банок с красками. Но особенно удивило нас то, что распоряжался здесь Костя Зубок.

Костика мы хорошо знали. Он жил в нашем же доме. Зубок был старше нас, но держался с нами как товарищ. И мы любили его за это. В прошлом году он ещё ходил в шинели ученика ремесленного училища, а недавно сказал нам, что уже хорошо зарабатывает.

«Выхваляется!» — подумали мы.

Но один раз, в воскресенье, он купил на свои деньги всем ребятам нашего двора билеты на «Николку-Паровоза», а потом ещё и по порции мороженого. Тогда мы убедились, что у Кости и правда большой заработок.

Мы знали, что Костя маляр, иногда видели его в спецовке, испачканной разными красками. Но никто из нас не мог и подумать, что Костя на своей работе старший и что его слушается целая бригада!

Теперь, в своей размалёванной брезентовой спецовке, Костя стоял на стремянке и молотком обивал со стен старую отставшую штукатурку.

— Привет отпускникам! — крикнул он. И, видя, что мы столпились на пороге, не осмеливаясь идти мимо стены, с которой сыпалась штукатурка, весело засмеялся: — Что, отличники, конец вашей газете?

Мы удивлённо переглянулись, не понимая, про какую газету говорит Зубок. А Костя взял кисть на длинной палке и начал водить ею по стенам, как учитель указкой по карте.

— Читайте! Ну, ну, громче, чтобы я слышал!

От стыда у нас запылали уши. Все стены лестницы где углём, где мелом, где карандашом были густо исчерчены надписями, правда давними, уже забытыми, но хорошо знакомыми нам.

Так это была и в самом деле газета. Газета без редактора, без редколлегии. Её писали все, кто хотел. Одни, чтобы сорвать злость на своём недруге, другие — для потехи, третьи — просто так, лишь бы что-нибудь нацарапать.

Когда эта газета писалась? Ну, конечно, зимними вечерами, когда мы проводили на лестнице свои весёлые часы. Тут были шумные заседания. Обсуждались новости, которые случились за день в школе, сверялись ответы на трудные задачи. Возникали ссоры, доходило и до драки. Неудивительно, что в такие вечера на стенах появлялись новые таинственные угрозы, прозвища, карикатуры, а назавтра — и самые экстренные сообщения:

«Мишка схватил двойку».

«Вовка курит».

Ниже, под этой надписью большими буквами выведено:

«А тебе что?»

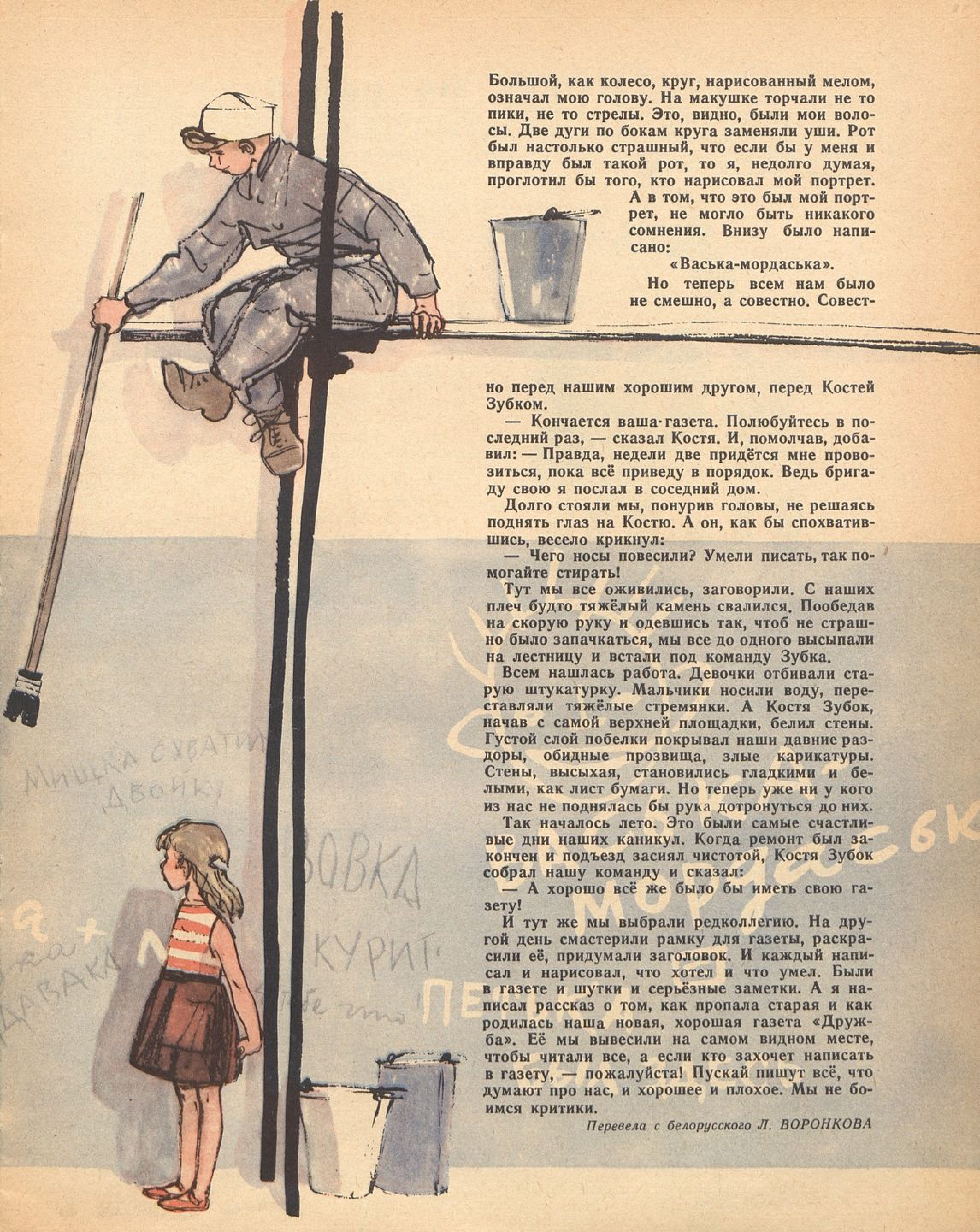
Нетрудно было догадаться, что это была рука уже самого Вовы.

— Читайте, читайте, — подгонял нас Зубок, водя кистью по стенам.

Под чёрными величиной в полметра словами: «Людка — задавака», — стоял не менее выразительный ответ: «А ты, Ленка, плакса».

И моё имя красовалось в этой компании.

Большой, как колесо, круг, нарисованный мелом, означал мою голову. На макушке торчали не то пики, не то стрелы. Это, видно, были мои волосы. Две дуги по бокам круга заменяли уши. Рот был настолько страшный, что если бы у меня и вправду был такой рот, то я, недолго думая, проглотил бы того, кто нарисовал мой портрет.

А в том, что это был мой портрет, не могло быть никакого сомнения. Внизу было написано:

«Васька-мордаська».

Но теперь всем нам было не смешно, а совестно. Совестно перед нашим хорошим другом, перед Костей Зубком.

— Кончается ваша газета. Полюбуйтесь в последний раз, — сказал Костя. И, помолчав, добавил: — Правда, недели две придётся мне провозиться, пока всё приведу в порядок. Ведь бригаду свою я послал в соседний дом.

Долго стояли мы, понурив головы, не решаясь поднять глаз на Костю. А он, как бы спохватившись, весело крикнул:

— Чего носы повесили? Умели писать, так помогайте стирать!

Тут мы все оживились, заговорили. С наших плеч будто тяжёлый камень свалился. Пообедав на скорую руку и одевшись так, чтоб не страшно было запачкаться, мы все до одного высыпали на лестницу и встали под команду Зубка.

Всем нашлась работа. Девочки отбивали старую штукатурку. Мальчики носили воду, переставляли тяжёлые стремянки. А Костя Зубок, начав с самой верхней площадки, белил стены. Густой слой побелки покрывал наши давние раздоры, обидные прозвища, злые карикатуры. Стены, высыхая, становились гладкими и белыми, как лист бумаги. Но теперь уже ни у кого из нас не поднялась бы рука дотронуться до них.

Так началось лето. Это были самые счастливые дни наших каникул. Когда ремонт был закончен и подъезд засиял чистотой, Костя Зубок собрал нашу команду и сказал:

— А хорошо всё же было бы иметь свою газету!

И тут же мы выбрали редколлегию. На другой день смастерили рамку для газеты, раскрасили её, придумали заголовок. И каждый написал и нарисовал, что хотел и что умел. Были в газете и шутки и серьёзные заметки. А я написал рассказ о том, как пропала старая и как родилась наша новая, хорошая газета «Дружба». Её мы вывесили на самом видном месте, чтобы читали все, а если кто захочет написать в газету, — пожалуйста! Пускай пишут всё, что думают про нас, и хорошее и плохое. Мы не боимся критики.

Перевела с белорусского Л. ВОРОНКОВА

Огонёк на парте

И. ДИК
Рис. А. ИТКИНА

Ура! У нас уже начались занятия. Я очень соскучился по школе. Все наши ребята за лето сильно загорели и выросли. А больше всех Витька Найдёнов. Мы думали, что он на юге отдыхал, а он, оказывается, в Сибирь ездил, к своему папе-инженеру.

— Ну как там, в Сибири, холодно? — мы его спросили.

А он ответил:

— Жара!..

— А там медведи водятся?

— Да я что-то не встречал.

— Ты чего-нибудь из Сибири привёз, какую-нибудь коллекцию?

— Нет, ничего не привёз! — ответил Витька.

Но вдруг вчера почтальон приносит в класс посылку в ящике. Мы его раскрываем, а в ящике и кедровые шишки, и беличий пушистый хвост, и какие-то камешки с золотыми блёстками, и шахтёрская лампа. На дне записка: «В подарок 4-му классу от Вити Найдёнова».

— Ах ты, Витька, какой обманщик! — закричали ребята.

Вечером на сборе отряда мы погасили в классе свет и зажгли на парте шахтёрскую лампу. Она у нас горела очень ярко. И нам всем очень захотелось поехать к Витиному папе.

М. ЛЕПИЛИНА
Рис. В. ЧИЖИКОВА

СКОРОГОВОРКИ

СОЯ

Как-то раннею весною
Посадила Зоя сою.

Зоя сою поливала
И за соей наблюдала.

Зоя вырастила сою.
Похвалили в школе Зою.

ДУШ

Даже шею,
Даже уши
Ты испачкал
В чёрной туши!

Становись скорей под душ,
Смой с ушей под душем тушь!
Смой и с шеи тушь под душем!
После душа вытрись суше —

Шею суше,
Суше уши,
И не пачкай уши в туши!

Сергей Баранов

Плоты идут!

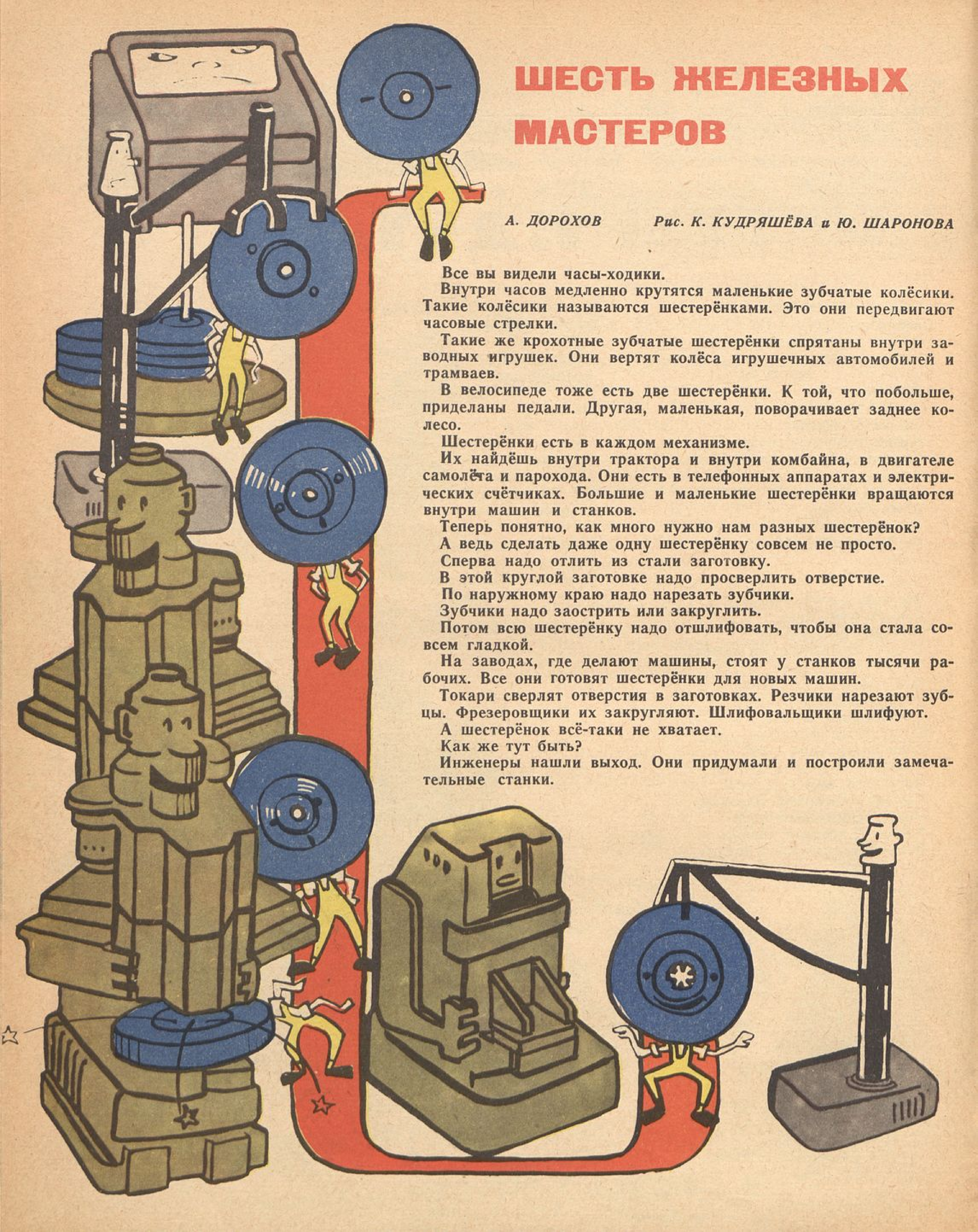
Рис. В. ПЕРЦЕВА

«Ж-ж-ж-жи-ли, бы-ли,
Бы-ли, жи-ли», —
Звенит пила певучая,
Сосны валит,
кедры пилит,
Древние,
могучие.
По дороге-тракту
К ним подходит трактор.
Словно рыбу на крюке,
Волочит сосну к реке.
А там уже люди
Вяжут плоты,
Увидят сосну:
— Пожалуй и ты!

* * *

Вот новый плот готов,
Качается на Каме.
Прощаются без слов
С ним тёмный лес да камень.
Изба стоит на нём
Для смелых плотогонов.
Склонились над плотом
Приветливые клёны...
От красных отблесков зари
Вода прозрачная горит...
Прощай ты, реченька-краса,
Прощайте, камские леса!
Пыхтит буксирный пароход.
Он за собою тянет плот.
Вдали — деревни, города,
Вокруг — спокойная вода.

Но если буря, если шквал —
Буксир тревожно
запоёт:
«Аврал, товарищи, аврал!
Крепите плот!
Спасайте плот!»
За валом
вал
идёт бурля...
Не разорваться бы плоту...
Но плотогоны — у руля!
Все плотогоны — на посту!
Утихнет шторм —
и плот опять
Колышет ласковая гладь.
На берегу горят огни.
Как будто говорят они:
«Для новых шахт,
для новых ГЭС
Плыви скорее, камский лес!»

ШЕСТЬ ЖЕЛЕЗНЫХ МАСТЕРОВ

А. ДОРОХОВ Рис. К. КУДРЯШЁВА и Ю. ШАРОНОВА

Все вы видели часы-ходики.

Внутри часов медленно крутятся маленькие зубчатые колёсики. Такие колёсики называются шестерёнками. Это они передвигают часовые стрелки.

Такие же крохотные зубчатые шестерёнки спрятаны внутри заводных игрушек. Они вертят колёса игрушечных автомобилей и трамваев.

В велосипеде тоже есть две шестерёнки. К той, что побольше, приделаны педали. Другая, маленькая, поворачивает заднее колесо.

Шестерёнки есть в каждом механизме.

Их найдёшь внутри трактора и внутри комбайна, в двигателе самолёта и парохода. Они есть в телефонных аппаратах и электрических счётчиках. Большие и маленькие шестерёнки вращаются внутри машин и станков.

Теперь понятно, как много нужно нам разных шестерёнок?

А ведь сделать даже одну шестерёнку совсем не просто.

Сперва надо отлить из стали заготовку.

В этой круглой заготовке надо просверлить отверстие.

По наружному краю надо нарезать зубчики.

Зубчики надо заострить или закруглить.

Потом всю шестерёнку надо отшлифовать, чтобы она стала совсем гладкой.

На заводах, где делают машины, стоят у станков тысячи рабочих. Все они готовят шестерёнки для новых машин.

Токари сверлят отверстия в заготовках. Резчики нарезают зубцы. Фрезеровщики их закругляют. Шлифовальщики шлифуют.

А шестерёнок всё-таки не хватает.

Как же тут быть?

Инженеры нашли выход. Они придумали и построили замечательные станки.

Называются они автоматами.

Конечно, одному станку изготовить шестерёнку с начала до конца не по силам. Поэтому ставят рядом несколько разных автоматов, и каждый из них делает своё.

Такую линию автоматических станков я видел на одном из московских заводов.

Шесть больших станков стояли почти вплотную один к другому. Они были похожи на огромные металлические шкафы странной формы. Электрическая тележка подвозила к ним заготовки, отлитые из стали.

Первый станок то и дело протягивал цепкую железную лапку, брал с тележки заготовку и начинал её обтачивать.

Последний станок каждую минуту укладывал на другую тележку готовую шестерёнку.

Людей возле станков не было. Автоматы работали одни.

Кончив сверлить или резать, станок переворачивал заготовку и вытряхивал из неё стальные стружки. Потом он её продувал, чтобы не осталось мелких опилок. И только после этого передавал заготовку соседу, а сам брал следующую.

Неподалёку сидел за столом молодой рабочий. Это был хозяин автоматический линии — наладчик.

Вдруг над одним из станков вспыхнула красная лампочка и раздался резкий гудок. Тотчас все станки остановились.

— Что случилось? — спросил я наладчика.

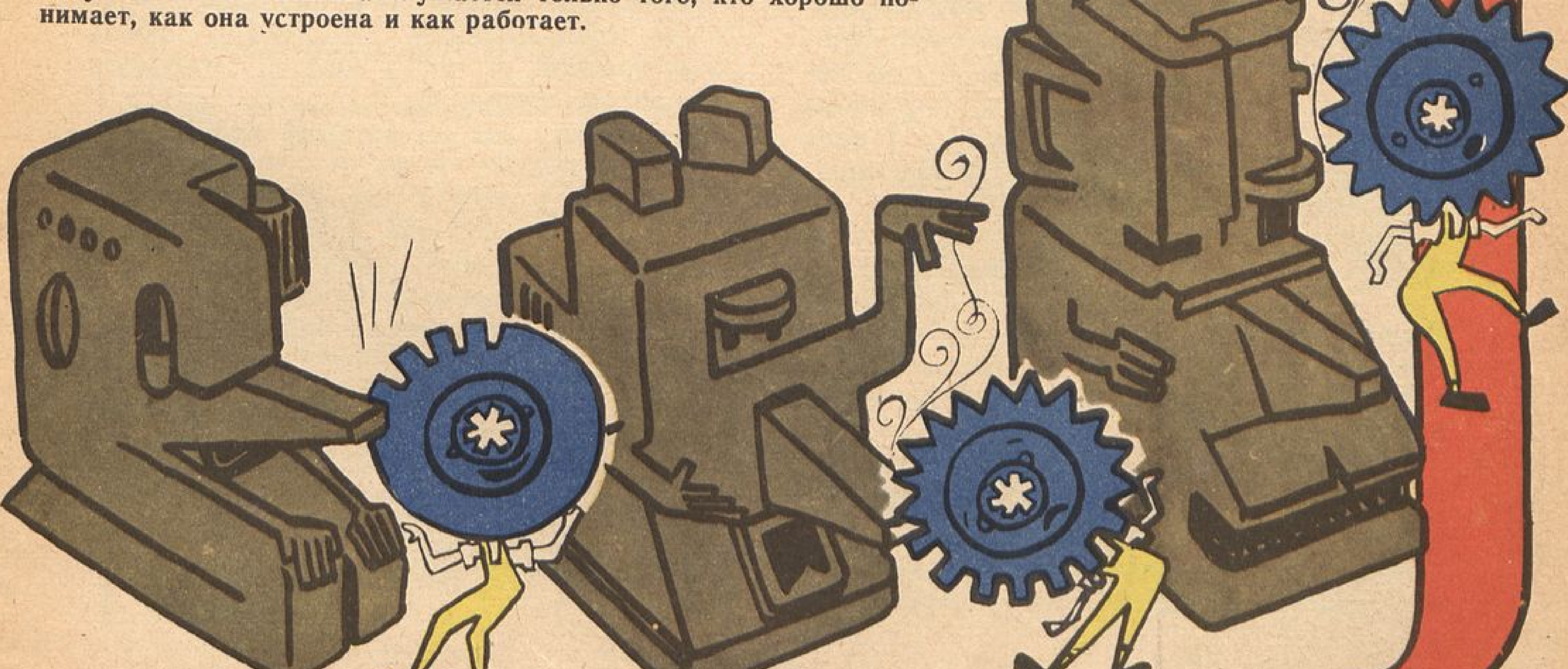
— Да что-то, наверно, испортилось, — ответил он. — Видите, зовёт на помощь.

Он быстро подошёл к станку, над которым горела лампочка, и открыл боковую дверцу. Я увидел внутри необыкновенно сложный механизм и множество переплетающихся разноцветных проводов.

Но наладчик прекрасно разбирался в устройстве каждого из своих автоматов. Он быстро исправил повреждение.

С каждым годом на советских заводах и фабриках появляется всё больше таких автоматических линий. Станки-автоматы делают конфеты и пельмени, готовят части для автомобилей, вяжут чулки и переплетают книги.

Но управлять такими сложными станками может не каждый. Для этого надо прилежно учиться и отлично знать технику. Потому что всякая машина слушается только того, кто хорошо понимает, как она устроена и как работает.

ПРО МАРЬЮ НИКОЛАЕВНУ

М. РАЗУМОВСКАЯ *Рис. В. ЛОСИНА*

Когда на первом уроке Марья Николаевна вызвала Мишку, мы очень удивились. Мы удивились потому, что он вышел к доске в каком-то странном пиджаке, почти пальто, и воротник у него был смешно поднят, словно Мишка замерзал. Пиджак был застёгнут до́верху.

Мишка остановился на полдороге и ждал вопроса.

— Ты почему, Никитин, не в форме? — строго спросила Марья Николаевна. — Я тебя такого и спрашивать не буду.

Мишка очень обрадовался, но на место не пошёл.

— Так в чём же дело?

— Это я только пока! — ответил Миша.

Марья Николаевна посмотрела на часы и велела ему сесть.

Не прошло и пяти минут, как под Мишкиной партой что-то посыпалось. Звук был тихий, очень приятный, и сыпалось долго. Мы все чуть с мест не повскакали, но Марья Николаевна сама подошла к Мишке.

— Что же это такое? — удивилась она. — Ты зачем в школу сухой компот притащил?

И вправду, под Мишкиной партой будто пёстрый коврик постелили.

— Это я дома не успел, — сказал Мишка. — Вы простите, Марья Николаевна, я не могу встать: боюсь раздавить.

— Ну, тогда сиди и не шевелись до конца урока. Мы с тобой потом поговорим.

После звонка Марья Николаевна опять подошла к Мишке, который и правда ни разу не шевельнулся, и велела ему поднять ноги на парту, а потом соскочить с неё. Мишка так и сделал.

— В чём же дело? — спросила Марья Николаевна. — Откуда у тебя компот и куда ты дел свою форму?

— А я уже почти неделю один живу, — сказал Мишка. — У меня воротник запачкался, вот я и надел старый папин пиджак, чтобы шею было не видно. А компот я больше всего люблю, всегда его ем, шесть раз в день. Вот только утром сегодня не успел. Думал, поем на перемене, а пакет разорвался.

Марья Николаевна слушала и не перебивала. Она всегда так слушала, даже когда рассказывали что-нибудь очень неинтересное. А когда Мишка замолчал, она только спросила:

— Почему же ты живёшь один? Где твои родители?

— Папа у меня в командировке, а мама уже пять дней как в больнице, у неё аппендицит. И никто за мной не смотрит, никому я не сказал, хотел один жить.

— Ну, вот что, — сказала Марья Николаевна. — Если ты не возражаешь, переходи пока ко мне жить. Только захвати свою форму.

— Я пойду, я с удовольствием, — сказал Мишка. — А можно взять компот?

— Компот не бери. У меня его много. Я сама люблю компот, — сказала Марья Николаевна.

НКУЭНГ — ОХОТНИК ЗА ЧЕРЕПАХАМИ

Г. НОВОГРУДСКИЙ
Рис. Е. МОНИНА

ОСТРОВ-БУБЛИК

Его зовут Нкуэнг. Он охотник за черепахами и хозяин рыбы-прилипалы.

А у рыбы тоже есть имя. Её зовут Большая жемчужина.

Нкуэнг живёт среди океана, на узенькой, похожей на бублик полоске земли. С наружной стороны острова-бублика—вода, с внутренней—вода, а сам остров порос пальмами.

Под пальмами — хижины, в хижинах — люди. Это океанийцы, земляки Нкуэнга. В мире нет никого, кому океан был бы ближе и родней. Всегда рядом, всегда виден, всегда слышен. Даже ночью, на какой бы бок океаниец ни повернулся, он всё равно лежит лицом к океану. Так уж устроены эти коралловые, похожие на бублики, островки.

НКУЭНГ И ЕГО СОСЕДИ

Что другие океанийцы делают, то и Нкуэнг. Соседи ловят рыбу — и он ловит; соседи забираются на пальмы за кокосовыми орехами — и он забирается; соседи растят бананы — и он растит; соседи охотятся за морскими черепахами — и он охотится.

Правда, когда дело касается морских черепах, то тут не столько Нкуэнг берёт пример с соседей, сколько соседи с него. Потому что на всём маленьком острове нет более удачливого ловца, чем Нкуэнг. Люди нередко выходят в океан и возвращаются с пустыми руками, а Нкуэнг никогда! Уж если собрался за черепахой, черепаху привезёт. Да какую здоровенную!..

Соседи радуются его удаче, хлопают охотника по плечу и говорят:

— Ты молодец, Нкуэнг! И твоя Большая жемчужина тоже молодец! Тебе нужно спасибо ей сказать.

— Да, — соглашается Нкуэнг, — Большая жемчужина у меня большой молодец. Но зачем ей моё спасибо? Вместо спасибо я её лучше банановыми гусеницами угощу. Она их очень любит.

И Нкуэнг идёт к бананам и начинает перебирать громадные листья, чтобы набрать гусениц для Большой жемчужины.

ТЕПЕРЬ О РЫБЕ-ПРИЛИПАЛЕ

Большая жемчужина с виду малоприметная рыба. Величиной не выдалась, красотой — тоже. Зато плавник!.. Спинной плавник у прилипал удивительный. Он как присоска действует. К чему прилипнет, не оторвёшь.

Интересно, зачем он им такой?

Дело в том, что, между нами говоря, прилипалы ленивы. Самим добывать пищу им лень, самим передвигаться с места на место лень. Они норовят так устроиться, чтобы за них другие старались.

И, представьте, устраиваются!

Плывёт, скажем, по океану пассажирский пароход.

За ним чайки летят, на лету хлебные корки подхватывают; за ним рыбы плывут, объедки подбирают. Их много за борт выбрасывают. Тут и овощи, и кусочки мяса, и сырные корки — да мало ли ещё что! Жителям морских глубин очень нравится человечья пища. Плыть бы и плыть за судном, кормиться и кормиться...

Но нет, не получается! Пароход на такой большой скорости идёт, что долго вровень не удержишься.

Как ни стараются любители лакомых кусочков, а постепенно начинают отставать, и только прилипала знай рот открывает. Теперь всё вкусное из пароходной кухни достаётся ей.

Кто не знает хитрой рыбы, может подумать: «Что ж, заслужила. Никто за пароходом угнаться не сумел, а она сумела. Молодец!»

Молодец-то молодец, но только на свой лад. Прилипала ведь за пароходом вовсе и не думала спешить, пароход сам её вёз. Прилипла своим плавником-присоской к пароходному днищу и катается безбилетным пассажиром сколько ей хочется.

Ну не ловкая ли?

Но бывает, прилипале не сразу попадается пароход, чтобы ездить и кормиться. Тогда она норовит по-другому устроиться. Встретится в море с китом — к киту прилипнет, встретится с акулой — к акуле. Ей всё равно кто. Лишь бы не одной плыть, не самой корм промышлять.

Прилипалы хитры, а люди хитрей. На что ленивы эти рыбы, но океанийцы сумели приспособить их для охоты на черепах. Они научились отличать хорошую рыбу-добытчицу от плохой, умелую от неумелой.

Поэтому-то земляки Нкуэнга хвалили его прилипалу. Она считалась рыбой-чемпионом. Ни у кого такой не было. Люди издалека приплывали на лодках полюбоваться знаменитой добытчицей.

РАННЕЕ-РАННЕЕ УТРО

Раннее-раннее утро. Громадное багровое солнце встаёт над океаном. Вода кажется розовой, а две лодки на белом песке — совсем чёрными.

Лодки лежат по-разному. Одна целиком вытащена на сушу и опрокинута вверх дном, другая, притопленная, уткнулась носом в берег, а кормой почти вся ушла в воду.

В ней-то и живёт Большая жемчужина. С первыми лучами солнца она, как всегда, в нетерпении. Её горб-плавник поднимается над водой то с одного борта полузатопленной лодки, то с другого. Где Нкуэнг? Где её хозяин? Ведь рассвет уже наступил. А с рассветом он всегда появляется, и вместе с ним появляются банановые гусеницы.

Вкусные! Вкуснее их нет ничего на свете.

Прилипала изогнулась, ударила хвостом так, что брызги полетели, метнулась от одной стороны лодки к другой. Безобразие!.. Сколько можно ждать? Почему нет гусениц?

МИНДАНАЕЦ, ШХУНА И МЕДНЫЙ ТАЗ

Солнце тем временем честно выполняло свои обязанности. Минуту назад только макушка его выглядывала из моря, и вот уже оно поднялось по пояс и сверкает, как медный таз.

Такой таз Нкуэнг видел недавно на шхуне торговца с Минданао. Судно бросило якорь

возле островка, и купец позволил всем, кто хотел, подняться на палубу, полюбоваться товарами.

Чего-чего у него не было! Блестящие бусы, зеркальца, трубки, рыболовные крючки, ножи большие и ножи маленькие, табак, чтобы курить, и табак, чтобы жевать, тёмные, сладкие, завёрнутые в серебряные бумажки, тающие во рту комочки, которые называются конфетами, и тоже сладкие, белые, как ядро кокосового ореха, квадратики, которые называются сахаром.

А сколько пёстрой материи было у минданайца! Глаза разбегались. И ещё был у него таз. Очень красивый. Он сиял, как солнце!

Нкуэнгу до смерти хотелось заполучить эту медную круглую штуку, спорящую с самим солнцем. От неё в хижине всем станет весело.

Жену взять: она любит глядеться в зеркало, а таз лучше зеркала. В нём всё кажется золотым; пусть смотрит на себя и хвалится перед другими женщинами. Это она тоже любит.

Детей взять: уж они-то обрадуются! Состроят перед тазом рожицы — таз повторит, ударят по тазу — таз зазвенит, наведут на солнце — таз отсветит всё так, что ни одного тёмного уголка в хижине не останется.

И, наконец, его, Нкуэнга, взять: ему тоже будет хорошо. Сядет в уголке на корточки, закурит трубку, станет смотреть кругом и думать о том, как славно у него всё получается. Есть хижина, есть жена, есть четверо детишек, есть блестящий медный таз, есть лодка-садок, есть лодка весельная, есть отличная прилипала-добытчица. Разве мало? Очень много! Человеку, пожалуй, больше ничего не нужно.

Но с тазом дело не вышло. Жена, дети, лодки, прилипала, как были, так и остались, а таз, от которого всем могло стать весело, минданаец увёз. Он слишком много потребовал у Нкуэнга. Нкуэнг никак не мог дать за таз три черепашьих панциря и целую кучу кокосовых орехов. У него столько не было.

И таз уплыл вместе со шхуной. Но, может быть, он ещё достанется Нкуэнгу. Минданаец через месяц-другой вернётся, и Нкуэнг к тому времени постарается собрать кокосовых орехов, наловить черепах.

ЕСЛИ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ — БУДЕТ КОРМ

Однако таз тазом, а время не ждёт. Надо поторапливаться. Вон и Большая жемчужина волнуется.

Прилипале и вправду надоело метаться в тесном пространстве. Она уже привыкла: после кормёжки полагается выходить на охоту. И чем скорее, тем лучше. Её тянуло на морской простор.

Но Нкуэнг не такой человек, чтобы торопиться. Всё, что он делал, он делал не спеша. Сейчас он тоже не торопясь подошёл к опрокинутой вверх килем лодке, не торопясь перевернул её, не торопясь спустил в воду, не торопясь подтянул заплясавшую на мелких волнах посудинку к корме полузатопленного рыбьего садка.

Дальше, правда, от его медлительности и следа не осталось. Когда нужно спешить, он и спешить умеет.

А тут без спешки не обойтись. Дело с рыбой связано, с одной из самых увёртливых рыб, какие плавают в океане. Её нужно перенести из садка в море. И не просто перенести, а ещё накинуть поводок, сделать так, чтобы вёрткая, скользкая, стремительная прилипала, оказавшись на привязи, чувствовала себя свободной. Рыба не успела опомниться, как Нкуэнг выхватил её из садка, накинул петлю и, опустив в воду, пришлёпнул прилипалу спинным плавником к борту лодки, как пришлёпывают глину к стенке, когда штукатурят дом.

Очутившись таким не очень приятным способом в море, прилипала сделала несколько резких движений хвостом, но тут же успокоилась. Всё идет, как надо: она держится спиной за что-то надёжное, и это надёжное куда-то двигается. Раз есть движение — значит, будет корм. Так заведено в океане.

(Продолжение в следующем номере)

Храбрый Опёнок

ЭД. ШИМ
Рис. Б. МАЛИНКОВСКОГО

Много по осени грибов уродилось. Да какие красивые — один другого краше!

Под тёмными ёлками деды-Боровики стоят. На них кафтаны белые надеты, на головах — шляпы богатые: снизу зелёного бархата, сверху коричневого. Загляденье!

Под светлыми осинками отцы-Подосиновики стоят. Все в мохнатых серых курточках, на головах красные шапки. Тоже красота!

Под высокими соснами братцы-Маслята растут. Надеты на них жёлтые рубашки, на головах картузики клеёнчатые. Тоже хороши!

Под ольховыми кустиками сестрицы-Сыроежки хороводы водят. Каждая сестрица в льняном сарафанчике, голова цветным платочком повязана. Тоже неплохи!

И вдруг возле поваленной берёзы вырос ещё один гриб — Опёнок. Да такой невидный, такой неказистый! Ничего нет у сироты: ни кафтана, ни рубашки, ни картуза. Стоит босиком на земле, и голова не покрыта — белобрысые кудерьки в колечки завиваются.

Увидали его другие грибы — и ну смеяться:

— Глядите, неприбранный какой! Да куда ж ты на свет белый вылез? Тебя ни один грибник не возьмёт, никто тебе не поклонится!

Опёнок тряхнул кудрями и отвечает:

— Не поклонится нынче, так я подожду. Авось пригожусь ещё грибникам.

Но только нет, не замечают его грибники. Ходят меж тёмных ёлок, собирают дедов-Боровиков, кладут в кузовки.

А в лесу холодней становится. На берёзах листья пожелтели, на рябинах покраснели, на осинках пятнышками покрылись. Ночью студёная роса на мох ложится.

И от этой студёной росы сошли деды-Боровики. Ни одного не осталось, все пропали.

Опёнку тоже зябко в низинке стоять. Но хоть ножка у него и тонкая да лёгкая — взял да и повыше перебрался, на берёзовые корни. И опять грибников ждёт.

А грибники ходят в перелесках, собирают отцов-Подосиновиков. На Опёнка по-прежнему не глядят.

Ещё холодней стало в лесу. Засвистел ветер-сиверко, все листья с деревьев оборвал, голые сучья качаются. С утра до вечера льют дожди, и укрыться от них некуда.

И от этих злых дождей сошли отцы-Подосиновики. Все пропали, ни одного не осталось.

Опёнка тоже дождём заливает, но он хоть и щупленький, а прыткий. Взял и вскочил на берёзовый пенёк. Тут его никакой ливень не затопит.

А грибники всё равно не замечают Опёнка. Ходят в голом лесу, собирают братцев-Маслят и сестриц-Сыроежек, в кузовки кладут. Неужели так и пропасть Опёнку ни за что ни про что?

Совсем холодно стало в лесу. Мутные тучи надвинулись, потемнело кругом, с неба снежная крупа сыпаться начала. И от этой снежной крупы сошли братцы-Маслята и сестрицы-Сыроежки. Ни одного картузика не виднеется, ни один платочек не мелькнёт.

На непокрытую голову Опёнка снежная крупа тоже сыплется, застревает в кудрях. Но хитрый Опёнок и тут не сплошал: взял да и прыгнул в берёзовое дупло. Сидит под надёжной крышей, потихоньку выглядывает: не идут ли грибники?

А грибники тут как тут. Бредут по лесу с пустыми кузовками, ни одного гриба не могут найти.

Увидали Опёнка, да так-то обрадовались.

— Ах ты, милый! — говорят. — Ах ты, храбрый! Ни дождей, ни снега не побоялся, нас дожидался!

Вот и дождался!

МОРЕ

Артур ВОЛЬСКИЙ
Рис. В. ЛОСИНА

Однажды летом Боря
Поехал с братом к морю.
Ведь море стало близко —
Рукой подать от Минска.

Здесь мальчик моря не видал,
Хоть жил на даче летом,
Он бегал и ромашки рвал
Как раз на месте этом.

А нынче тут морское дно,
И море с поезда виднó.

И вот на берегу морском
Гуляет Боря с братом.
Тут чайки белые кругом,
И волны плещут рядом.

Они шумят, шуршат у ног
И набегают на лужок.
А ширь и даль такая,
Что сердце замирает.

Стал Боря, и не знает он —
Всё это правда или сон.
И не поймёт, откуда
Взялось такое чудо.

Смеётся старший брат, моряк,
И отвечает Боре так:
— Тут дело, брат, не в чуде,
Тут потрудились люди.

Чтоб в море пенилась вода,
Пришли с машинами сюда:
Могучие бульдозеры
Сравняли берег озера,
Большие экскаваторы
Расчистили фарватеры,
И полевые дали
Широким морем стали.

Домой вернулся Боря,
Забыть не может моря.
С мальчишками он спорит,
Что Минск — приморский город.

Перевела с белорусского З. АЛЕКСАНДРОВА

Серебряный карандаш

М.-С. ЯХЬЯЕВ
Рис. М. МИТУРИЧА

Как-то я заметил, что Расул приходит в школу с полными карманами яблок и ест их прямо на уроках, прикрывая ладонью рот.

— Где ты берёшь яблоки? — спросил я. — У вас же и сада-то нет.

— Я бы сказал, если бы ты был мне другом,— ответил Расул.

— А я что, не друг разве?

— Нет. Таких друзей у меня хоть карманы набивай. А вот настоящего нет. Вот если бы ты пообещал, что никому... — Он не договорил и протянул мне яблоко. — На, укуси разок.

Я откусил. Сладкое!

— Хорошее яблоко. Скажи, Расул, где берёшь?

— Клянись, что никому не скажешь!

— Клянусь!..

— Ну, хорошо. Смотри только!.. Проверю, какой ты друг,—сказал он и, понизив голос, быстро заговорил: — Ты знаешь то место колхозного сада, против озера, где мы купаемся?

— Знаю.

И Расул стал рассказывать, какие яблони растут в саду возле озера. Рассказал он и о том, что сторож, дедушка Самад, оказывается, почти слепой.

Он всё так расписывал, что выходило — залезть в сад проще простого. А там набирай яблок, сколько захочешь.

«Ну что же, — думаю, — пойду посмотрю».

Мы отправились на озеро, где в воде целыми днями лежат буйволы, и с берега стали пробираться в сад.

Озеро подходило к саду вплотную. Над самым берегом тянулся плетёный забор.

— Заправь рубашку под пояс и потуже затяни ремень, — скомандовал Расул.

Потом он подобрался к плетню, немного повозился. Я поглядел, а там — дыра. Оказывается, он эту дырку сделал давно, а когда уходил, закрывал её.

— Вон, видишь, — сказал он, когда мы за-

глянули внутрь сада. — От яблок ветки ломятся. Залезай и бери.

— А если сторож увидит?

— Он же слепой.

Я первый раз в жизни отправлялся на такое дело. И разные мысли тревожили меня.

— У него, наверно, винтовка есть?

— Вижу, ты уже струсил! Уходи тогда, я сам пойду. Я давно знал, что ты трус. Трус! — презрительно бросил Расул ещё раз и полез в сад.

Он подошёл прямо к дереву, оглянулся и стал взбираться на него. Всё вокруг было тихо и спокойно. Я вспомнил, как Расул обозвал меня трусом, и мне стало не по себе.

Я согнулся и тоже пролез в сад. Яблоня, на которую взобрался Расул, была очень большая. Ветки её свисали низко, чуть ли не до самой земли.

— Залезай сюда! — прошептал Расул.

Я вскарабкался к нему и стал рвать яблоки. Я чувствовал, как стучит сердце, и так спешил, что рвал яблоки вместе с листьями.

— Это мелочь! Тяни вон ту ветку! — сказал Расул.

Я забрался ещё дальше и стал тянуть ветку. А там было так много яблок, что хватило бы мне на целый год.

Вдруг ветка как треснет подо мной! И я с высоты полетел на землю. Когда я вскочил на ноги, то увидел, что Расул галопом бежит к выходу.

— Э-чей! Проклятые!.. — послышался голос сторожа с другого конца сада.

Я тоже пустился наутёк. Оглянулся назад — вижу, за мной гонится старик с палкой в руке. Я подбежал к плетню, нырнул в отверстие. Вдруг чувствую: никак не пролезть, будто держит кто-то.

— Зацепилось! — закричал я Расулу.

А он кричит:

— Скорей! Скорей!..

И голос его доносится уже откуда-то издалека.

Я рванулся вперёд изо всех сил. Что-то затрещало. Это сучок разорвал мою рубашку, и яблоки посыпались на землю.

Добежав до плетня, старик почему-то остановился и наклонился, что-то разглядывая.

Увидев, что сторож за нами не гонится, мы сели.

— Давай посчитаем, сколько у кого, — сказал Расул, отдышавшись.

— У меня ни одного нет. Все рассыпались, — говорю. — Да ещё рубашку порвал! Что теперь мама скажет?..

Расул засмеялся.

— У меня тридцать пять штук... — похвастал он, посчитав яблоки. — Так и быть, ешь, — подал он мне яблоко.

— Не хочу! — ответил я сердито.

— Ты сам виноват. Зачем полез на самый край ветки?

— А кто говорил: «Тяни, лезь»? Теперь, выходит, я виноват...

Пришёл я домой грустный. Хорошо, что мамы не было. Надел другую рубашку, а рваную спрятал.

Вечером сел готовить уроки, достал книги, тетрадь, а ручки нет. Я перерыл портфель, всю

комнату обыскал, даже под печь заглядывал — нет нигде!

Ручка эта была не моя, а моего приятеля Ахмеда. Очень хорошая ручка — больше ни у кого такой не было. Блестящая, металлическая, с двумя наконечниками. В одном перо, в другом карандаш. Чем хочешь, тем и пиши... Я у Ахмеда эту ручку выпросил, чтобы показать маме.

И куда она подевалась?

Мама стала меня ругать, когда я сказал ей про ручку.

— Она сама потерялась, — оправдывался я. — Что теперь скажу Ахмеду?

— Это уж сам как знаешь, — отрезала мать. — Таких ручек в ауле нет, а в город из-за этого я не поеду.

Я шёл в школу и всё думал, что сказать Ахмеду.

Вдруг перед самым началом урока в наш класс вошла завуч Раиса Петровна. Остановившись у порога, она подняла вверх ручку Ахмеда и спросила:

— Чья это?

— Моя! — крикнул раньше всех Ахмед.

Ребята тоже закричали:

— Ахмеда, Ахмеда!

— Так, всё ясно... Ну-ка, Ахмед, вставай, идём со мной, — сказала Раиса Петровна сердито.

Весь класс притих. Я не знал, зачем позвали Ахмеда, но хотел сказать, что это я потерял его ручку. Вдруг Расул, который сидел рядом, толкнул меня в бок и шепнул на ухо: «Молчи, а то всё узнают».

И тут я понял, в чём дело. Наверное, я уронил ручку в саду.

Так оно и было.

Когда мы убежали, сторож подошёл к плетню и стал собирать яблоки, которые я растерял. Вдруг в траве что-то блеснуло. Старик наклонился и поднял ручку.

Взял он свою находку — и прямо в школу.

Во дворе сторож встретил завуча Раису Петровну. Он знал её давно и звал по-кумыкски — Райхан.

— От ваших детей, Райхан, мне жизни нет, — пожаловался сторож. — Сегодня опять в сад лазали.

— Кто же, дедушка? — спросила Раиса Петровна.

— Валлах, дочка, не мог узнать! Вот этот серебряный карандаш кто-то из них уронил, — сказал старик, подавая ей ручку.

Я, конечно, тогда всего этого не знал, но всё же чувствовал, что дело неладно.

— Если скажешь, что ты потерял, то нам конец, понимаешь? — шепнул мне на ухо Расул.

Я сразу заволновался: «Ведь Ахмеда накажут. Яблоки таскал я, а не он. Что делать?»

— Нехорошо получается, — сказала наша учительница, — забираетесь в колхозные сады, таскаете яблоки...

Теперь я уже не мог вытерпеть и крикнул:

— Это не Ахмед, а я залез в сад!

— Значит, вы вдвоём? — спросила учительница.

— Нет, его не было... Я пойду скажу, ладно?

— Иди, — сказала учительница.

В учительской было несколько человек: директор школы, завуч и другие учителя. Они ругали Ахмеда. Я стал объяснять, в чём дело.

Про Расула я ничего не сказал.

После уроков он мне и говорит:

— Ты молодец! С тобой, оказывается, можно дружить.

Но я ему ответил:

— Нет уж, я такой дружбы больше не хочу!

Перевела с кумыкского Т. ЛИХОТАЛЬ

Валентин Берестов

Честное гусеничное слово

СКАЗКА

Рис. В. СТАЦИНСКОГО

Гусеница считала себя очень красивой и не пропускала ни одной капельки росы, чтобы в неё не поглядеться.

— До чего ж я хороша! — радовалась Гусеница, глядя на свою плоскую рожицу и выгибая мохнатую спинку с двумя золотыми полосками. — Удивительно хороша! Одна беда — никто-никто этого не замечает...

Но однажды ей повезло. По лугу ходила девочка и собирала цветы. Гусеница взобралась на самый красивый цветок и стала ждать. Девочка подошла к цветку, увидела Гусеницу, испугалась и крикнула:

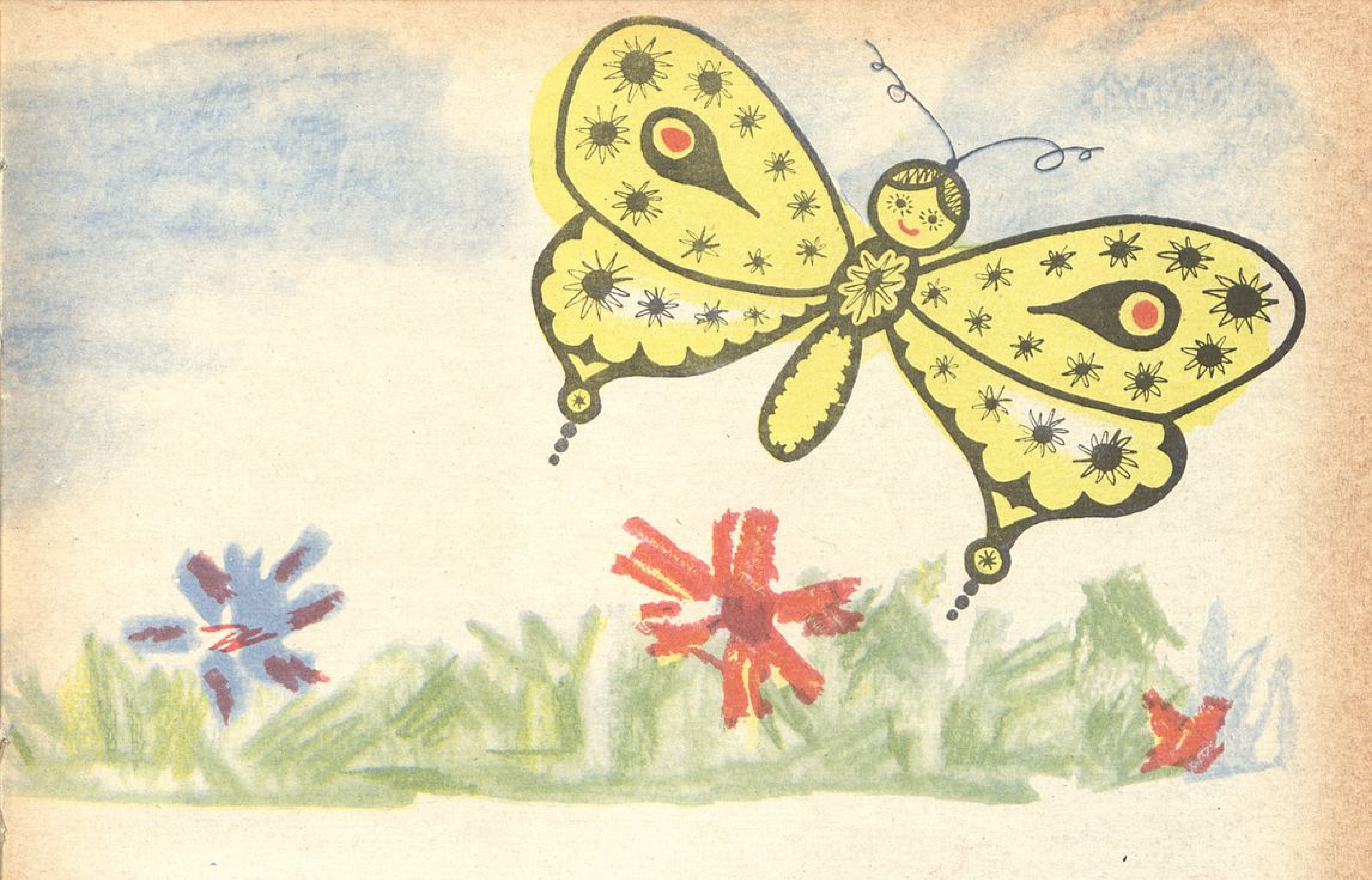
— Какая страшная! Уйди, я не хочу тебя видеть!

— Ах, так! — рассердилась Гусеница. — Даю честное гусеничное слово, что никто, никогда, нигде, нипочём, ни в коем случае больше меня не увидит!

Когда гнев её немного остыл, Гусеница ахнула:

— Батюшки! Что же это я пообещала? Ведь это значит, что и я больше не увижу ни сладкой росы, ни сочной травы, ни вкусных зелёных листьев, ни солнечных лучей...

Но жалеть было поздно. Дав честное слово, ты должен его сдержать, даже если ты Гусеница.

И Гусеница поползла на дерево, со ствола на сук, с сука на ветку, с ветки на веточку, с веточки на сучок, с сучка на листок, вынула из брюшка шёлковую ниточку и стала ею обматываться. Работа была долгая.

— Ух, как я устала!.. — вздохнула Гусеница. — Совершенно замоталась...

И всё-таки она доделала кокон, в последний раз поглядела на белый свет и скрылась. В коконе было тепло и темно, делать было нечего, и Гусеница уснула.

Проснулась она оттого, что у неё ужасно чесалась спина. Тогда Гусеница стала тереться о стенки кокона. Тёрлась, тёрлась, протёрла их насквозь, вывалилась наружу и начала падать. Но падала она как-то странно — не вниз, а вбок и даже вверх.

И вдруг — о ужас! — Гусеница увидела на лугу ту же самую девочку.

«Какой позор! — подумала она. — Сейчас девочка заметит меня и поймёт, что я не только некрасивая, но и нечестная, нехорошая Гусеница. Осталось одно — побыстрей найти какую-нибудь печку и сгореть в ней со стыда!»

И Гусеница камнем упала в траву. А девочка увидела её и сказала:

— Ой, какая красивая!

— Вот и верь людям, — ворчала Гусеница. — Сегодня они говорят одно, а завтра — совсем другое...

Тут она поглядела в капельку росы — и замерла от удивления. На неё смотрела незнакомая физиономия с длинными-предлинными усами. Гусеница попробовала выгнуть спинку, чтобы увидеть на ней золотые полоски. Где же они? За спиной у Гусеницы были большие разноцветные крылья.

— Ах, вот почему я падала не вниз, а вбок, — сообразила она. — Я стала Бабочкой. Со мной произошло чудо. Самое обыкновенное чудо. Это бывает...

Она взлетела и стала весело кружиться над лугом. Теперь она ни от кого не пряталась — ведь честного Бабочкиного слова, что её никто не увидит, она не давала.

НАБЛЮДАЙ САМ

Г. СКРЕБИЦКИЙ
Рис. И. ПЯТКИНА

Вот и лето прошло. Сентябрь — осенний месяц.

Но в начале осени обычно стоят ясные, тёплые дни. Лету как будто жаль уходить от нас.

Недаром наш замечательный русский поэт Тютчев написал такие стихи:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

У вас, ребята, уже начались занятия в школе. Весело встретиться после летних каникул с друзьями, интересно вспомнить, как прошло лето, но ещё интересней всем вместе в выходной день отправиться в недалёкий поход на речку, в ближайший лес или в луга и посмотреть, что там нового, как встречает природа раннюю осень.

НАРЯДИЛИСЬ В ОСЕННИЙ НАРЯД

Посмотрите в лесу на листву различных деревьев. У берёзы и клёна она совсем жёлтая. У осинки ярко краснеет, а вот на лесной опушке стоит рябина. Она будто в розовом платье.

Но почему же летом листья деревьев были зелёные, а теперь, осенью, стали самых различных цветов? Потому, что летом в живом листе имеется красящее вещество, которое называется хлорофиллом. Он и придаёт листу зелёный цвет. Но, кроме хлорофилла, в листе есть и другие, менее заметные красящие вещества. Осенью лист отмирает, хлорофилл в нём разрушается, тогда-то и становится видна иная, дополнительная его окраска.

Возьмите опавший лист в руки, внимательно осмотрите основание его черенка — то место, которым он прикрепляется к ветке. Видите, основание черенка совсем гладкое. Это пробковый слой. Он образуется к осени и отделяет, как бы отслаивает, лист от «родимой» ветки.

Связь с веткой прервана, питание прекращено, лист увядает.

Ребята! Соберите листья разных кустов и деревьев и посмотрите, какую они имеют окраску. Если сумеете, нарисуйте листья красками или цветными карандашами. У вас получится очень интересный и красивый альбом.

КУДА ВЕТЕР ПОДУЕТ, ТУДА И ПОЛЕТЯТ

В лесу по ветру листья летят, а в полях, в лугах летит серебристая еле заметная паутина.

Постарайтесь поймать летящую мимо вас паутинку. Видите, к концу её прицепился крохотный паучок. Он-то и выпустил из себя паутинную нить. Ветер её подхватил и понёс, и паучок полетел по ветру. Где паутина опустится, зацепится за дерево или за куст, там паучок приземлится, там и зимовать останется.

Так паучки-лётчики расселяются осенью из гнезд. Куда ветер подует, туда и полетят.

«КРЫЛАТЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ»

Большинство наших птиц осенью улетает в тёплые страны. Гонит птиц в основном не холод, а голод. Поглядите-ка, сколько ласточек уселось на телеграфные провода. Издали кажется, будто это чёрные бусы на тонкую нить нанизаны. Скоро теперь весёлые быстрокрылые птицы улетят в далёкую Африку.

Грачи, скворцы, дрозды и много, много других птиц тоже уже готовятся к отлёту. Зимовать остаются только такие птицы, которые приспособились и зимой добывать корм. Вот, например, дятел. Летом он ел разных жуков и личинок, а теперь долбит хвойные шишки, кормится их семенами. Многие птицы зимой перебираются к жилью человека и там находят себе

пищу. Но большинству зимующих птиц трудно живётся в эту суровую пору. Птицам нужно помочь — устроить для них кормушки.

Осенью отправляются в далёкий путь не одни только птицы. Улетают на юг и небольшие крылатые зверьки. Их вы все хорошо знаете, не раз, конечно, видели в тёплые летние вечера.

Ну-ка, ребята, скажите, какого зверька можно назвать «крылатым путешественником»?

ПОМНИТЕ ОБ УГОЩЕНИИ

Когда пойдёте в лес, не забудьте нарвать грозди ягод: рябины, калины, крушины. Только рвите их так, чтобы не поломать сучья и ветки.

Дома эти ягоды развесьте пучками в чулане или в кладовке. Пусть висят до зимы. А зимой вы их повесите на сучках кустов и деревьев возле птичьей кормушки. На лесные ягоды найдётся много охотников среди ваших крылатых друзей.

ЛЕС В МЕШОЧКЕ

В нашей стране с каждым годом всё больше и больше сажают лесов. Значит, с каждым годом надо всё больше и больше семян для таких посадок.

В сентябре, после первых заморозков, сходите в дубовый лес. Среди опавшей листвы вы разыщете спелые тёмно-золотистые жёлуди. Соберите их как можно больше и отнесите в ближайшее лесничество.

Из каждого жёлудя может вырасти молодой дубок. Сперва совсем крохотный, как травинка, а потом возмужает, окрепнет и превратится в большое красивое дерево.

Взгляните на ваши жёлуди и подумайте: скольким деревьям дадите вы жизнь! Вот и выходит, что каждый из вас — настоящий волшебник. В своём мешочке несёт он в подарок людям чудесный зелёный лес.

ЛЯГУШКА

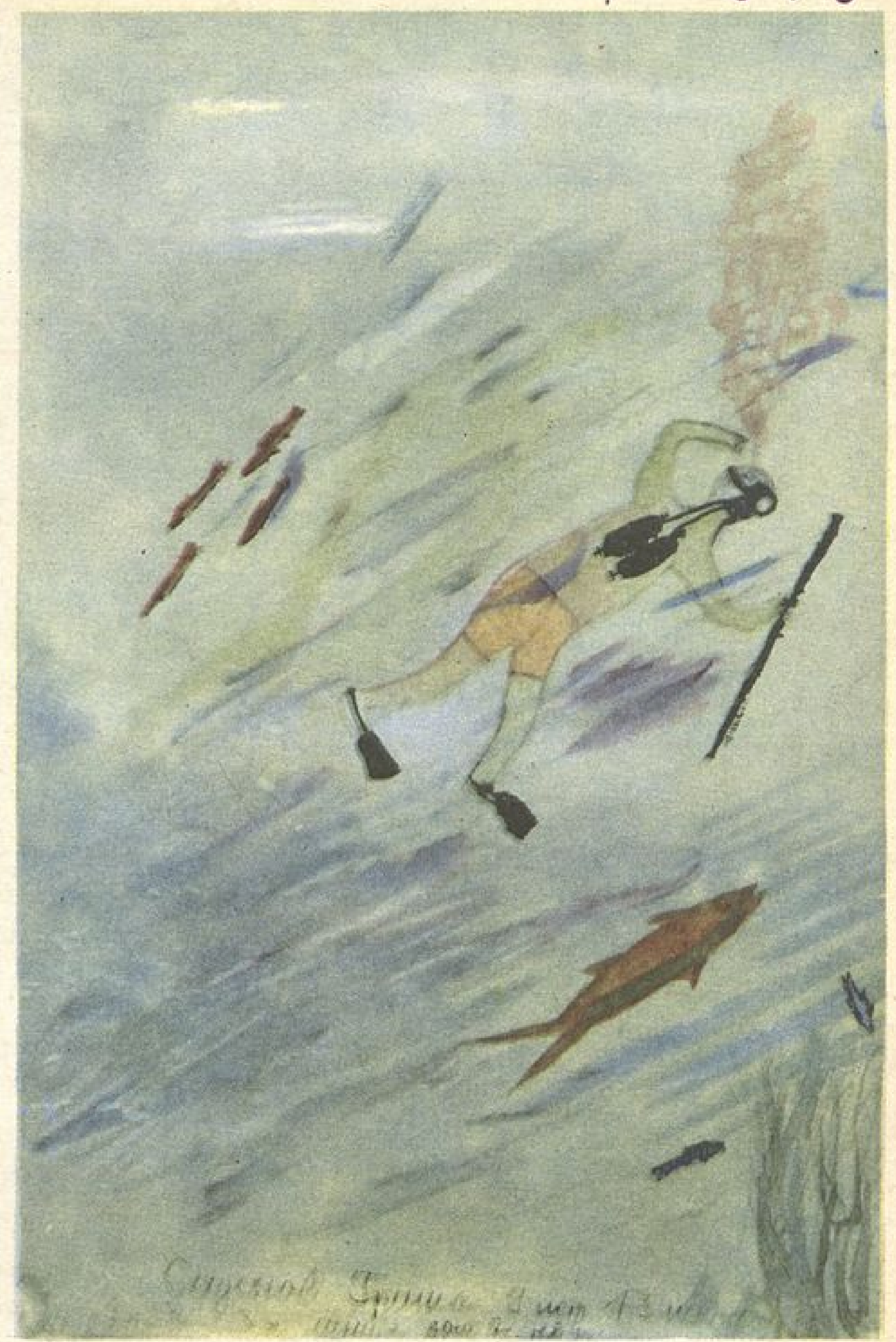
Мария МАЛЬЦЕВА
Рис. В. ЧИЖИКОВА

Много дела у подружки,
У затейницы лягушки:
Шьёт с утра она на пне
Юбку в крапинках себе,
Мастерит суконные
Тапочки зелёные.
А когда сгустится мрак,
О работе спросит: «Ка-ак?!»

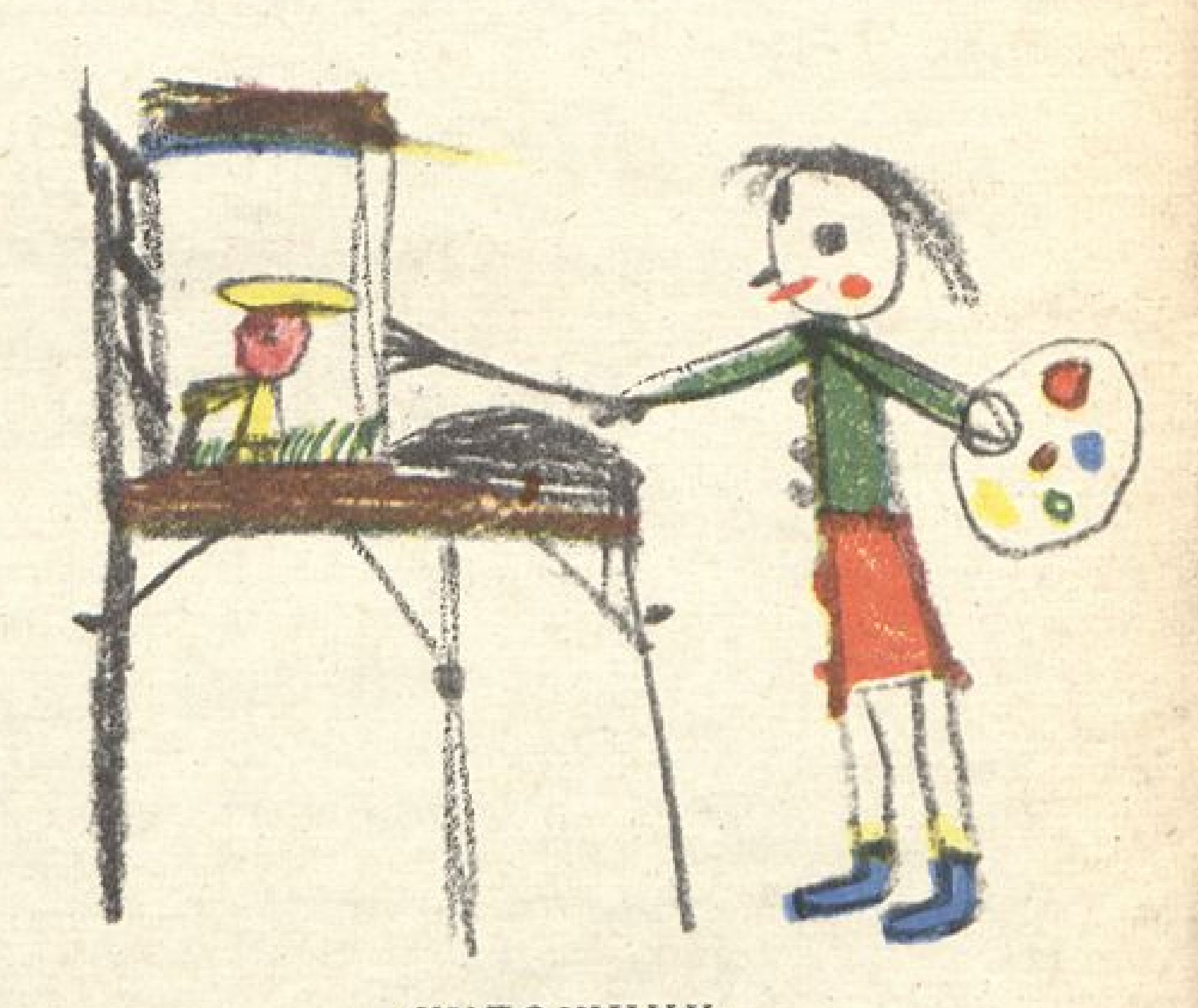
«В ТЕАТРЕ».
Рисунок Люды Лобан, 9 лет, г. Минск.

«МОРСКОЙ ОХОТНИК».
Рисунок Гриши Сазонова, 9 лет, г. Минск.

«НАМ ДРОВА ПРИВЕЗЛИ».
Рисунок Оли Пулховой, 8 лет, г. Пинск.

«ХУДОЖНИК».
Рисунок Кати Поплавской, 6 лет, г. Минск.

На обложке рисунок М. САЛТЫКОВА. Макет Е. МОНИНА

Год издания тридцать шестой. Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Подп. к печати 28/VII 1960 г. Бумага 60×92 1/8. Печ. л. 3(3). Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 1431

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»:
Москва, А-55, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.